

Юридические категории «иноземец», «иноверец» и «инородец» в контексте реализации государственной идеологии Российской империи

В.Ю. Викторов

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Клин

Объектом исследования является государственная идеология Российской империи; цель работы – изучение юридических категорий «иноземец», «инородец» и «иноверец» как государственной модели цивилизационной дифференциации населения; задачей работы является рассмотрение политики и практики распространения православия как государственной идеологии Российской империи. Основной целью правовой дифференциации населения Российской империи на категории «иноземцев», «инородцев» и «иноверцев» было стремление не ограничить в правах данные категории населения, а стимулировать их приобщение к надэтнической государственной идеологии, выраженной в православии, принятие которого не только гарантировало все права и свободы гражданина империи, но фактически приравнивалось к получению статуса русского. Подобное надэтническое направление государственной политики отчасти прослеживается в распространении государственной идеологии коммунизма в СССР.

Ключевые слова: дифференциация, стратификация, юридическая категория, «иноземец», «инородец», «иноверец», православие, государственная идеология, патриотизм идеологический, патриотизм этнический, национализм.

Основными элементами правовой стратификации населения в Московском царстве (далее – МЦ) и Российской империи (далее – РИ) по этническому и религиозному принципу были категории «инородец», «иноверец» и «иноземец». Представленная статья посвящена генезису формирования данных юридических категорий в русском праве и выявлению влияния имперской идеологической традиции на советское законодательство.

Наиболее ранней юридической категорией законодательства МЦ была категория «иноземца», что связано с ростом найма иностранцев на русскую службу, приобретшего масштабный характер уже в правление Ивана III. Приток иностранцев на русскую службу требовал создания особых юридических норм, регулировавших их права и обязанности. Мощнейшая база для этого была заложена феодальным законодательством Новгородской и Псковской республик.

Одним из первых источников, систематически использующих термин «иноземцы», являются Судебники 1497 и 1550 гг. В них

практически отсутствуют специальные нормы, основной акцент делается на регламентацию и упрощение судебных процедур между иноземцами и русскими. Кроме этого, имелись и иные нормативные акты (Указы), в том числе регламентирующие «черту оседлости» для иноземцев.

К основной юридической характеристике иноземцев в Соборном уложении 1649 г. можно отнести их привилегированное положение: они не выплачивают налоги (тягло), имеют право служить в иноземных войсках за жалование, судятся при участии своих судей, могут свободно покидать страну, могут владеть поместьями и вотчинами за службу (с принятием православия) [6, с. 28–31, 74–79, 84, 98, 103].

В Петровскую эпоху положение иноземцев становится менее привилегированным: им запрещается приобретать недвижимость без особого разрешения – Указа о единонаследии [4, т. V, с. 486–488]; в соответствии с Табелью о рангах получение высших должностей и чинов возможно только при принятии православия; в соответствии с Регламентом Главного магистрата проживающие в городах и записавшиеся в посад иноземцы должны нести тягло [4, т. VI, с. 291–305], для иноземцев вводится обязательная паспортная система. Заманчивым моментом для привлечения иноземцев было повышенное жалование (превышавшее жалование русских на тех же должностях в 2 и более раза).

Положение иноземцев несколько улучшается в правление Екатерины II: для привлечения иноземцев на новоприобретенные территории им жалуют земли, даруют самоуправление и освобождают от налогов на 30 лет – Манифест 1763 г. о вольных колонистах [2, с. 18–22]. Горожане-иноземцы в соответствии с Жалованной грамотой городам 1785 г. могли стать членами купеческих гильдий, но не обладали избирательными правами в системе городского самоуправления [3, с. 67–94]. И только с правления Павла I их привилегии начинают пересматриваться.

По Своду законов РИ 1832 г. термин «иноземец» используется уже как устаревший, вводится новый – «иностранец». Иностранцы имели право на вероисповедание, работу, освобождались от рекрутской повинности, без специального разрешения не могли владеть крепостными и недвижимостью, не могли занимать должности ниже 8 класса без принятия гражданства, с 5 класса – без принятия православия. Могли заниматься только оптовой торговлей, были ограничены в местах проживания, гражданские дела вели с правом обращения к законам своей страны, уголовные – в соответствии с законодательством РИ и участием своего консула [5, с. 68–73].

Таким образом, четко прослеживается государственная политика по созданию поощрительной юридической модели – привлечение иностранцев, а позднее и создание определенных препятствий, при которых религиозная и гражданская ассимиляция была бы более выгодной моделью поведения. На начальном этапе развития понятия

«иностранец» – это привилегированный специалист (профессиональный ресурс), на финале развития законодательства РИ – ограниченный в правах иностранец, что впоследствии нашло свое отражение и в Советском праве.

Гораздо сложнее обстоит дело с иными категориями – «иноверец» и «инородец». Категория «иноверец» получает юридическое закрепление только в Соборном уложении 1649 г. как обобщенное наименование всех лиц, не придерживающихся православия. Основным критерием здесь было вероисповедание, главный триггер для определения свой-чужой в МЦ. Для XVII в. русский – синоним православного, это религиозная принадлежность, а никак не этническая. В преступлениях против веры «иноверец» выделяется как особый юридический субъект: при квалификации преступления учитывалась не только его тяжесть, но и вероисповедание преступника. Служба у иноверцев отождествлялась с религиозной нечистотой [7, с. 16–18].

По Своду законов РИ 1832 г. внутренние дела иноверцев подчинялись их собственным духовным управлениям, создавалось Учреждение об Управлении иноверных, регулировавшее отношения между государством и общинами иноверцев, устанавливались границы дозволенного, запрет прозелитизма, запрет на определенные должности, запрет на владение православными крепостными и пр. [4, т. II, ч. 1, с. 7–171]. После революций 1917 г. термин «иноверец» утратил юридическое значение в силу декретов Советской власти, отделивших церковь от государства, упразднивших сословные и конфессиональные категории населения, провозгласивших равенство всех граждан.

Таким образом, смена вероисповедания на православное гарантировало не только обретение всех гражданских прав РИ, это был мощный социальный лифт, фактически это обозначало смену родовой, или этнической, принадлежности, человек становился русским.

Категория «инородец» включала в себя определение юридического статуса народов севера и кочевников, проживающих на территории РИ, обладающих определенной автономией и ограничениями в правах. Этот термин был введен в юридический оборот в 1822 г. М.М. Сперанским, разработавшим «Устав об управлении инородцами». К инородцам относились тюркские, финно-угорские, монгольские и иные народы, сохраняющие традиционный экономический, хозяйственный и правовой уклад. «Инородцы» делились на 3 типа: оседлые (проживающие в городах и селах с традиционным русским укладом, при принятии православия уравнивались в правах с гражданами РИ), кочевые (традиционное самоуправление и законодательство, за исключением разбирательств по тяжким преступлениям) и бродячие (традиционное управление, подушная подать заменялась пушным налогом). В целом, термин «инородец» был эмоционально нейтральным, обозначавшим народы севера. Интересно, что в перечень «инородцев» никогда не

входили народы Прибалтики, поляки, финны. Правовые особенности юридического статуса «инородца» определялись освобождением от рекрутской повинности (с заменой на особый налог), заменой подушной подати на натуральный налог (ясак), ограничением на выдачу паспортов, сохранением традиционного управления и земель хозяйственной значимости [1, с. 10–11].

Отказ от примитивного технологического уклада и принятие православия (простая смена веры без перехода к оседлости статуса не меняла) гарантировали обеспечение полнейшей юридической состоятельности и включение в соответствующую сословную группу РИ со всеми правами и обязанностями последнего. Таким образом, понятие «инородец» определяло цивилизационную и техническую отсталость, сохранение традиционной администрации упрощало контроль и налогообложение, наличие льгот для православных облегчало миссионерскую деятельность православия.

После Февральской революции 1917 г. термин «инородец» перестал использоваться, в юридической практике СССР закрепляется понятие нации, данное И.В. Сталиным, национальные меньшинства определялись апофатически, исходя из отсутствия признаков нации – языка, территории, экономического склада, психического склада [8, с. 296].

К 20-м гг. в научной литературе появляется термин «национальное меньшинство», но уже к 30-м гг. оно вытесняется. Правового определения национального меньшинства не дает ни одна из советских конституций, здесь закрепляется достаточно аморфная категория «меньшинство». Права меньшинств сводились к национально-территориальной автономии (53 народа из проживавших в СССР): они обладали обширными культурными и языковыми правами (политика коренизации), в отличие от титульных наций, не имели права выхода из СССР, т. е. не обладали коллективными политическими правами [6, с. 46].

Таким образом, во всех случаях применительно к «иноземцам», «инородцам» и «иноверцам» правовые ограничения снимались при принятии православия, а в случае с иноземцами – подданства РИ. Православие являлось не только государственной, но и национальной идеологией, национальной идеей РИ, неотъемлемым признаком гражданина РИ. В условии смены режима акцент с религиозной, хозяйственной или этнической инаковости снимался в силу понимания патриотизма как феномена буржуазного общества, изжившего себя в условиях классовой борьбы, строительства социализма и коммунизма. В СССР, как и в РИ, основным элементом патриотизма стала не этническая, а идеологическая составляющая – коммунистическая идеология. Ее кризис привел в целом и к кризису государства. В современных условиях отсутствие достаточно разработанной идеологии, которая могла бы продолжить историческую преемственность надэтнического,

идеологического патриотизма, может привести к развитию этнического патриотизма с возможным скатыванием к ксенофобии и национализму того или иного толка, а соответственно, и к сепаратизму.

Список литературы

1. Гарипов Р.Ш. Устав «Об управлении инородцев» 1822 г. // История государства и права. 2010. № 23. С. 10–12.
2. История российских немцев в документах (1763–1992). М., МИГУП, 1993. 447 с.
3. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., Юридическая литература, 1987. 527 с.
4. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленной. СПб., Второе отделение собственной Е.И.В. канцелярии, 1857. Т. I–XV.
5. Смирнова Е.С. Регулирование правового статуса иностранцев в России с начала XIX века до октября 1917 года // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 68–129.
6. Соборное уложение 1649 года. Л.: Наука, 1987. 448 с.
7. Сосов М.М. Эволюция норм по защите прав меньшинств в российском законодательстве: исторический аспект // Закон и право. 2020. № 3. С. 44–46.
8. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. С. 290–367.

Об авторе:

ВИКТОРОВ Вячеслав Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экономики, управления и права, филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» в г. Клину Московской области (141600, г. Клин, Волоколамское шоссе, дом 20/1), SPIN-код: 2998-3804, Author ID: 288 127, e-mail: ionow.fran@yandex.ru

The legal categories of "foreigner", "infidel" and "alien" in the context of the implementation of the state ideology of the Russian Empire

V.Yu. Viktorov

Russian State Social University, Klin

The object of this study is the state ideology of the Russian Empire. The aim of this work is to examine the legal categories of "foreigner," "non-Russian," and "non-believers" as a state model of civilizational differentiation of the population. The objective of this work is to identify the policies and practices of spreading Orthodoxy as the state ideology of the Russian Empire. The primary goal of legally differentiating the population of the Russian Empire into the categories of "foreigners," "non-Russians," and "non-believers" was not to restrict the rights of these categories, but to encourage their adoption of a supra-ethnic state ideology expressed in Orthodoxy. Adoption of Orthodoxy

not only guaranteed all the rights and freedoms of imperial citizens but was effectively equated to acquiring Russian status. This supra-ethnic direction of state policy is partly evident in the spread of the state ideology of communism in the USSR.

Keywords: *differentiation, stratification, legal category, “foreigner”, “foreigner”, “infidel”, Orthodoxy, state ideology, ideological patriotism, ethnic patriotism, nationalism.*

About author:

VIKTOROV Vyacheslav – PhD in philosophical sciences, associate professor, associate professor of the department of economics, management and law, Klin Branch of the Russian State Social University, Moscow Region (141600, Klin, Volokolamskoe Shosse, Building 20/1), SPIN-code: 2998-3804, Author ID: 288 127, e-mail: ionow.fran@yandex.ru

Викторов В.Ю. Юридическая категории «иноземец», «иноверец» и «инородец» в контексте реализации государственной идеологии Российской империи // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 74–79.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.